

№ 402 (2 пол. XIV – 1 пол. XV в.; Д 39) [Г]. Последнее слово во второй строке А. В. Арциховский восстановил как *паро(бка)*, а букву перед ним прочел как *я*. В ДНД на месте этой буквы — прочерк, за которым следует *пар[a]*... Изучение новых снимков позволило внести ясность в чтение данного места. На них хорошо видно, что последняя буква второй строки — *о*, исправленное из *а*: правая дуга буквы *о* прочерчена позже, чем спинка *а*. Буква же, принятая издателем за *я*, на самом деле — *ж*, перед которым виден хвост буквы из верхней строки. Приводим фотографию этого отрезка.

В результате текст грамоты приобретает следующий вид:

поклонъ · ѿ [ива]...
 ꙗже · жонку ту дала за своего ж паро-
 (бка) ...

Для конца первой строки вероятной представляется конъектура: (*что бы еси*), что дает следующий перевод: ‘Отдала бы ты, госпожа, ту женщину за своего же слугу...’.

Для последней строки полноценной реконструкции пока предложить не удастся.

№ 408 (посл. треть XIII в.) [Г]. В издании грамота охарактеризована как «обрывок практически нечитаемого документа». Изучение новых снимков показывает, что перед нами фрагмент письма к сборщикам долгов:

... (бѣрковс)ка : соли : ...
 ... (а)[ли есте п]оимале : на(м)ъ а вода[д]ить : а а во ...

Перевод: ‘... 2 берковска соли... Если вы взяли проценты, то отдайте. А я в ...’.

№ 410 (посл. треть XIII в.; В 35) [Г]. В первой строке после [а ъ с]мьрда прочитывается дополнительно: [ѡ ѡ][а]н[а тр]о[и на]м]-, т. е. ‘у смерда Бояна тройные проценты (за три года)’. Ср. № 509: *не въдале дѣвоихъ намъ*. В середине пятой строки надежно реконструируется: [ѡ] (с)мьрда ѡ дѣмьана.

№ 411 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 34) [Г]. В начале третьей строки перед *ди* виден верх от *е*. Соответственно, вместо (*и*)ди в сьло (ДНД) следует реконструировать (*но*)[*е*]ди в сьло. Это мелкое уточнение существенно с лингвистической точки зрения. Если в начале древнерусского периода глагол *ити*, подобно англ. *go*, выступает как недифференцированное обозначение передвижения человека на расстоянии, безотносительно к тому, осуществляется ли оно пешком или при помощи транспортных средств, то на протяжении XIII–XIV вв. за ним постепенно закрепляется современное значение исключительно пешего перемещения, в то время как употребление *ѣхати* становится обязательным там, где речь идет о движении на коне, в повозке или ладье (см. об отражении динамики этого изменения в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи: Гиппиус 2006: 176–177; ср. Филин 1949: 193; Горбань 2002: 69–70, 276). Этот фундаментальный сдвиг в семантическом соотношении двух глаголов весьма ярко выражается в следующем факте: из 27 употреблений в берестяных грамотах глаголов *поѣхати* и *приѣхати* 20 приходятся на позднерусские грамоты (разделы В, Г, Д в ДНД), а еще пять (№ 82, 84, 112, 531 [2×]) фиксируются в документах, относящихся к концу XII – XIII в. Бесспорные случаи обозначения глаголом *ити* и его производными заведомо не пешего перемещения в грамотах позднерусского периода отсутствуют⁸.

⁸ Исключением из правила может показаться грамота № 286, в которой формы *поиду* и *иду* относятся к далеким поездкам автора и адресата. Причина этого отклонения может быть, однако, указана со всей определенностью: *по(ити)* в контексте данного документа соотносится с *ходити* в терминологическом значении ‘совершать даннические обходы’.